

Джеймс Милн (1737–1788) ¹

**МИСТЕРУ БЕРНСУ –
О ЕГО ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ**

Перевод Е.Д. Фельдмана

Она сняла цветочный свой венок,
Она глядит печально, отрешенно.
Она поет, но кажется, мой Бог,
Она о ком-то плачет сокрушенно.
То Муза скоттов, что из года в год
Скорбит о том, кто умер не намерен,
И горько над могилой слезы льет,
Где Фергюссон вкушает сон последний.

Но вот – заговорила: «Нет и нет!
Ужель и ты с земным смешался прахом?
За Алланом и ты ушел вослед. –
Я не могу смириться с полным крахом!
Напевы не слышны в родном краю, –
В углах медвежьих, – да и то едва ли... –
Из тех, что пели воины в бою,
Из тех, что наши девы напевали.

Английские не емлют короли
Родной язык шотландского народа,
И он добычей легкой, – ай-люли! –
Стал для шута, глумливца и урода.
Болваны наши двинулись на юг,
Чтоб глупостей набраться у Британник,
И застыдился чей-то сын и внук
И бабушек, и матерей, и нянек.

Теперь они чураются всего,
Что существует севернее Твида,
И по-шотландски слова одного

¹ Джеймс Милн (1737–1788) – шотландский поэт. На жизнь зарабатывал фермерством. Родился в деревне Лох-Хилл близ городка Престонпанс (к востоку от Эдинбурга). Умер от воспалительной лихорадки. Написал две трагедии, множество стихотворений, а также поэму, которую посвятил Роберту Бернсу. Когда поэта не стало, год спустя его сын Джордж обратился через посредников к Бернсу за разрешением опубликовать поэму. Бернс разрешил. В 1790 году сборник поэтических произведений Джеймса Милна вышел в свет в Эдинбурге. Среди подписчиков на эту книгу был и Роберт Бернс.

Там не прочтут вам – даже и для вида,
И по-английски толком не прочтут
Из-за языкового винегрета.
Ни тот, ни тот язык они не чтут,
Ни тем, ни тем их сердце не согрето.

Не так ли поклоняются тому,
Кто явлен в обаянье капиталъца.
Но если обанкротился, – ему
Не подадут руки, – и даже пальца?
Могла ли я предвидеть этот срам?
И верится сегодня еле-еле,
Что мы начнем учить по словарям,
Что прежде познавали с колыбели.

Настало время пошлой мелюзги.
Талантов нет, – однако, парни ловки,
Внедряют в современные мозги
Уродливые песни-полукровки.
Великий Рэмси видел: сходит в тень
Наследие культуры драгоценной.
Его слова бледнели каждый день,
Как росчерк мела надписи настенной.

О Аллан Рэмси, гений, исполин, –
В его стихах такое чувство хлещет,
Что славен он среди родных равнин
И заграница бурно рукоплещет.
Он возродил хиреющий язык,
Но умер он – и всё пошло насмарку.
На горизонте Фергюссон возник
И снова поднял наш престиж и марку.

Кто учит мир сказаниям простым?
Кто учит сердце языком природы?
Кто учит посылать ко всем святым
Уставы рафинированной моды?
Дух Робина явился, наконец.
Великое довольство в нем светилося,
И я спросила: “Где ты был, певец?
Чему ты нынче рад, скажи на милость?”

“Где протекают реки Эйр и Дун,
Идя за плугом, пел обычный пахарь.
О, как зачаровал меня колдун!

О, как в меня проникнул этот знахарь!”

“Прости за то, что столько боли
Тебе принес я поневоле,
И у тебя не будет боле
Надежной крыши!” –
Так пахарь обратился в поле
К обычной мыши.

Плуг отвязал он. Далее верхом
Помчались мы на Мэгги, на кобылке.
Она была прославлена стихом
И шагу не ступала без ухмылки.
Но видел я: сжимало грудь его
Предчувствие смертельного упадка.
Тоска-печаль за это существо
Его переполняла без остатка.

И вновь я заглянул ему в нутро, –
На этот раз – в коробку черепную, –
И было в ней от выдумок пестро,
Переходивших в музыку шальную.
Но их сопровождал врожденный вкус,
Который даровала нам природа,
Воображенья пламенный союз
С живым умом и памятью народа.

Шотландских добродетелей не счесть,
Их летопись – ярка и многоглава.
Всеобщей целью их была и есть
Живая поэтическая слава.
Мы с ними обнаруживаем ложь
И с ними, не испытывая робость,
Мы наших доморощенных святош
Тупую прошибаем твердолобость!

Мы с ними строим дружную семью,
Которая крепка, сыта, здорова,
Где слышен смех, где арию свою
Заводит рядом дойная корова,
Где молоко – в основе многих блюд,
Где, пьянством бытия не опошляя,
Его везде и всюду люди пьют,
О винах дорогих не помышляя.

Один играет, а другой поет,
 Рассказчики всегда найдутся в доме.
Потом, уюмонясь, честной народ
 На сене засыпает иль соломе.
К вам глухо небо, гордые цари,
 С которым собеседовать не прочь вы,
Ведь небо емлет, что ни говори,
 Лишь думы, исходящие от почвы!

А, может, в ком-то зреет злобный план,
 А, может, в ком-то черных дум брожение,
И, низменною страстью обуян,
 Готовит он погибель юной Дженни?
И если так, то в мрачнее часы,
 Когда смешны благие упования,
Его облают собственные псы,
 Захлебываясь от негодованья!

Мы песни пасторальные поем, –
 Да так, что не стояли даже близко
Другие рядом с нами. – Но о чем?
 О добрых жирных хаггисах и виски.
И с песнею прадедовских времен
 Душа освобождается от груза...».
«Ты Бернса встретил! Слышишь, это – он!» –
 Вскричала вдруг взволнованная Муза. –

«Родился он, и я была при нем,
 Я буду состоять при нём до гроба.
Прославлен он в отечестве родном,
 А ты и Рэмси – с ним тягайтесь оба!»

Пропел петух, – и улетели
Видения. В своей постели
Проснулся. Мысли загудели;
 Одна – особенно:
«Не сочинить ли, в самом деле,
 Письмо для Робина?»

Для Робина? Кто я такой?
Ну, щегольнул разок-другой
Несовершенною строкой, –
 А где талант?
Поэт я, в общем, никакой, –
 Так, дилетант!

А выйди пара строк толково,
Я от случайного улова
Не возгоржусь, но лишь сурово
Промолвлю: “Амен!” – и
Почем цена теперь на слово,
Спрошу у пламени!

Но Бернс – о, здесь другое дело:
Пусть лаял критик оголтело,
Стихи, что предъявил он смело,
Отчизна взвесила,
И вот уж золото заблестело
В кармане весело!

О, Бернс! Пусть на родных просторах
Дурной народ вскипит в раздорах
И будет яд в словах и взорах:
«Достойны вы стрел!» –
Зажжен фитиль, взорвался порох,
Раздался выстрел!

Смотрю и думаю: ты гля,
С тобою рядом герцог – тля,
И граф, стихи твои хваля,
Долбит, как дятел.
Случись со мной такое, мля,
Давно бы спятил!

Но, коль случилось чудо, друже,
Тянись к богатству из нужи,
И укрепляй свой дом снаружи,
Крепи внутри,
И на того, кто нынче в луже,
Ты не смотри!

Но вспомни, Роберт, что вначале
И Рэмси с помпой встречали.
Он пел, как птица, без печали
И знал везде, нежный:
Покуда с ним не заскучали,
Он – парень денежный.

Потом, когда его забыли,
Он жил, я помню, в Касл-Хилле.

Никто не ведал, жив он – или
Уже скончался,
А Рэмси жил, как деда жили,
Не огорчался.

Надежный кус найти пытайся,
С одной лишь музой не слоняйся,
Под бурей жизни не склоняйся,
Противоборствуй,
Как наши барды, не питайся
Лишь коркой черствой.

Иной пиита желторотый
Одни стихи строчит с охотой,
И он себя другой заботой
Не бременит,
И он с любой другой работой
Повременит.

Один за золото востока
Воюет нагло и жестоко,
А наш извечный лежебока
Беспечно свищет
И, в потолок уставя око,
Там рифму ищет.

Жилище бедное – в упадке,
В нём чашки-ложки – в беспорядке,
Его куски, увы, несладки,
Зато у типа
Стихов за многих лет десятки –
Большая кipa.

Я бодро тему обозначил
И тут же сам терзаться начал:
А сколько строк я зафигачил
Дурного сорта?
А сколько глупостей значил?
Ответ: до черта!

Сие – соседа голова:
В ней кони, овцы и трава,
В ней поле, пашня, сев, жнитва,
Прогноз, надежда;
Сие – моя: вино, жратва,

Покой, одежда.

Я возлежу на музе тяжко,
И та, блаженствуя, дурашка,
Твердит мне, что сосед – какашка,
 А я – пирожное.
И возбуждает без промашки
 Вранье безбожное!

Я не хочу тебя дурачить
Иль шуткой резкою подначить,
Хочу с тобою законтачить,
 Хочу я праздно
С тобою просто посудачить
 Про всяко-разно.

И что богатство, что мне слава?
Оно б совсем нехудо, право,
Но накормить свою ораву
 Мне прежде нужно,
А нет – орава от растравы
 Заплачет дружно!

А не слабó ли – в гости к нам?
Буль-буль с семейством и ням-ням?
Конечно, пир я не задам, –
 Ведь мы не баре, –
Но выну всё, что по углам
 Храню в амбаре.

Я накормлю тебя прекрасно,
Но обсуждать жратву опасно
Со мной, мой миленький, – ужасно
 Начну ругаться:
Я на жену привык всечасно
 Здесь полагаться.

Хожу я в гости пообщаться,
А не вином поугощаться.
Ко мне не нужно обращаться:
 «Суп черепаховый!
Пожалте!» – Лучше попрощаться:
 Драчун я – аховый!

Тебе – такой – не нравлюсь? (Иль?).

Ах, если «иль», – живая быль,
Четырнадцать к востоку миль
 Ты от Эдины
Пройди по морю, друг мой мил,
 К нам в палестины.

Пять миль – до мест моих родных.
До Престонпанса – три из них.
Лох-Хилл, – я здесь пространный стих
 Строчу умильно.
Включи же в круг друзей своих
 И
 ДЖЕЙМСА МИЛНА! ²

² Перевод создан 26.07.–7.08.2008. Отредактирован 15.02.2012. Краткая биография Джеймса Милна составлена 20.04.2012. *Публикации*: Переводчик (Чита). – 2012. – Вып. 12. – С. 16–24; <http://zabrospr.ru/article/view?journalId=7&partId=24&articleId=51>; <http://feldman.omsklib.ru/index.php/perevody/iz-anglo-shotlandskoj-poezii/138-miln-dzhejms-1737-1788/641-misteru-bernsu-o-ego-poeticheskikh-proizvedeniyakh>